

© 1996 г.

ПАРЛАМЕНТ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Проблемы парламентаризма не только на слуху в России и в бывших социалистических странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Они стали предметом научных исследований, значимость и актуальность которых очевидна. Институт Всеобщей истории РАН приступил к проекту, подготовив серию коллективных трудов «Из истории европейского парламентаризма». Первый выпуск - об английском парламентаризме - увидел свет в 1995 г. В этой работе приняли участие 18 исследователей под руководством проф. С.П. Пожарской¹.

Участники проекта поставили в центре внимания пути институирования диалога власти и общества, что имеет существенное, если не решающее, влияние на развитие демократии. Коль скоро Англию, образно говоря, можно назвать «лабораторией парламентаризма», достигнутое в этом отношении на Британских островах имело немаловажное значение для развития процесса парламентской демократии во многих странах. Избранная авторами форма «сквозной истории» позволила успешно раскрыть специфику исследуемого предмета - становление этого государственного института как продукт политической и культурной традиции страны.

Отсюда очевидная трудность бездумной трансплантации достигнутого в ходе многовековой истории английского парламентаризма на другие страны и континенты. Совершенно справедливо подчеркивается в заключительной главе («Парламент и империя в XX веке») на частном примере: «Некоторые моменты сравнительного анализа приводят к мысли, что парламент как представительный демократический институт Европы, внедряемый в период колониального правления Англии на имперских территориях, и в данном случае в Индии, не стал таковым для этой страны. Традиции и религиозная культура трансформировали его» (с. 166).

Надо думать, что запланированные исследования в этой серии, над которыми сейчас идет работа, - Пиренейский парламентаризм, парламенты Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и малых стран Европы, - дадут новые доказательства в пользу описанного вывода. С этой точки зрения полезно для понимания менталитета ученых, занимающихся проблемой парламентаризма, хотя бы бегло, насколько позволяет место, взглянуть на результаты усилий группы восточноевропейских исследователей, объединенных в Венгерском Центре по изучению демократии, заняться вплотную «европеизацией» парламентов в соответствующих странах (Польше, землях Чехии, Словакии, Венгрии, Словении, Хорватии). При содействии Немецкого фонда Фридриха Наумана результаты части этих исследований опубликованы в сборнике «Возникновение парламентов в Восточной и Центральной Европе: первые шаги». (Редактор - проф. Аттила Агж, издатель - указанный центр².)

Если в России даже при подступе к проблеме господствует исторический подход, т.е. исследуются прежде всего национальные корни парламентаризма в данной стране и рассматривается его историческая эволюция, то почти все авторы, собравшиеся под «крышей» сборника, предпочли философско-проблемный подход и, насколько можно понять, их помыслы устремлены в будущее. Совместно предано забвению, что в подавляющем большинстве их государства образовались на руинах Австро-Венгерской империи. То, что она в просторечьи именовалась «оскутной монархией», положения не меняет, традиции парламентаризма, пусть усеченного, имеют давнюю и почтенную историю, восходя к сословным собраниям Священной Римской Империи. В сборнике, пусть походя, ищут других предшественников³.

¹ Из истории европейского парламентаризма. Великобритания/Отв. ред. Е.В. Гутнова М., 1995 188с.

² The Emergence of East Central European, Parliaments: The First Steps. Ed. Attila Agh, Hungarian Center of Democratic Studies. Budapest, 1994.

³ Единственное и потому весомое исключение - редактор сборника проф. Аттила Агж, который свое эссе «Первый демократический парламент в Венгрии (1990-1994)», помещенное в № 96 за 1994 г. «Будапештских исследований демократических преобразований», начал так: «Традиции современного парламентаризма и конституционализма в Венгрии сильны и восходят к середине XIX века». То, что Венгрия получила этот опыт в составе Габсбургской империи, он скидывает со счетов, равно как и не занимается сравнительным анализом проделанного в Вене и Будапеште. При всем этом Агж, вероятно, весьма либеральный редактор, не поднимающий руку на тексты коллег.

В главах о Венгрии, Чехии и Словакии, например, подробно разбираются процедурные правила Конгресса США. Авторы (Сомогверы, Бан и Васс - по Венгрии, Решова и Сивакова - по Чехословакии) наверняка считают, что эти процедуры полезны для отечественных сырых парламентов. Д. Олсон, разбирая положение в Чехии и Словакии, обращается к опыту отцов-основателей США Дж. Мэдисона и Т. Джефферсона, которые, особенно первый, постоянно жаловались на «нехватку прецедентов» при организации работы Конгресса на американской земле (р. 37). Но то, что уже было у отцов-основателей под рукой, отражало развитый английский парламентаризм, перенесенный через Атлантику в легислатуры колоний, на основании которого сложилось со временем прочное основание американской демократии. Даже отдаленно таких традиций не было и не могло быть в Центральной и Восточной Европе, поэтому ламентации на протяжении всего сборника на то, что то тут, то здесь на ниве восточноевропейского парламентаризма всходят авторитарные плевелы, не идут к делу.

Наверное, полезно сравнительное изучение парламентских процедур в Западной Европе, или, как сказано в заголовке соответствующей статьи, «передовых демократий» (р. 163-175), а именно Австрии, Чехословакии, Бельгии, Дании, США, Франции, Великобритании, ФРГ, Италии, и статуса Совета Европы. Вопрос № 1, в какой мере удастся «подогнать» восточноевропейский парламентаризм к критериям, принятым в этих странах, остается открытым. Но суждения авторов на этот счет пронизаны оптимизмом. Оправдается он или нет - покажет будущее, политическая практика, а не теоретические изыскания. Уже в 1993 г. (когда писались материалы для сборника) возникли серьезные сомнения в том, что избранный тамошними правящими элитами курс будет иметь всеобщую поддержку. По крайней мере в Польше (р. 217-218), что и показала И. Панкова.

Проблема, собственно говоря, сводится к тому, что Аттила Агж уместно назвал «преждевременным старением юных демократий, опыт Восточной Европы», а суть ее определена в одном из докладов этого венгерского ученого: как происходит от «номенклатуры к клиентуре возникновение новых политических элит в Восточной и Центральной Европе» (р. 305). Практика, как лакмусовая бумажка, проявила значимость вековых традиций государственности в Восточной и Центральной Европе. и получилось то, о чем Аттила Агж сказал с нескрываемым разочарованием: «Новые правящие элиты в Восточной и Центральной Европе захотели продолжать то же самое идеологическое строительство, опираясь на "всезнание" общих интересов с той только разницей, что они изменили цвета флагов с "красных" на "белые", ссылаясь на этот раз на "истинные" национальные интересы. основополагающая посылка - сильное национальное государство должно представлять и защищать национальные интересы против эгоистических частных. Следовательно, массовые движения, организованные интересы и гражданские ассоциации в этой новой идеологической конструкции предстают эгоистическими группами, снова угрожающими священным интересам национального государства своими ненасытными материальными интересами. Даже очень тонкие исследователи подняли вопрос о том, что требования масс, профсоюзов, популистские действия опасны для демократических преобразований и могут привести к краху демократии».

Вероятно, Аттила Агж лидирует среди авторов не только по глубине научного поиска, но и по откровенности. Очень примечательно его суждение: «Новые элиты захватили власть для себя, чтобы выполнить свою историческую миссию, они стремятся демобилизовать "невежественные" массы, включая их собственные социальные движения или последователей, организуя их в партии» (р. 293).

Феномен, выделенный Агжем, просматривается и в других статьях сборника. Если так, зачем тогда хлопоты по введению парламентаризма, ведь попытки на этом пути изначально обречены на провал. Логика изложения подводит к тому, что, вероятно, является не заявленной во весь голос темой исследования - никакие издержки не напрасны, ибо речь идет о введении или возвращении стран региона в Европу. Иными словами, об изменении геополитической обстановки на старом континенте, что для сторонников «европоцентризма», пожалуй, тождественно изменению соотношения сил в мире. Исследователи душой и телом с Западом в их понимании. «Для многих из них, удовлетворенно замечает Д. Джадж во "Введении". - это первая попытка работать в рамках концепций "западной" политологии, в контексте собственной политической системы, и для большинства еще первая возможность, которой они воспользовались, изложить свои выводы по-английски, а не на родном языке (!?)» (р. 22). Европейцы с головы до ног!

Сборник изобилует фактическими данными о политических партиях и движениях региона, социологическими выкладками, в нем подробно разбираются конституционные тонкости и многое другое. Томик не может не произвести впечатления на неопита-социолога, а для западного исследователя служит зримым доказательством нетленности ценностей, которые отличают «зрелые демократии». Все это так, и заслуживает не только внимания, но и понимания профессионального мастерства исследователей проблем парламентаризма. И все же создается впечатление очень большой политизированности исследования.

Н.Н. ЯКОВЛЕВ, доктор исторических наук